

Потапенко Игнатий Николаевич

"Не герой"

Роман в 2 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
"Не герой": Роман в 2 частях / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 320 с.

ISBN 978-5-519-79257-8

ISBN 978-5-519-79257-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

жая свой путь уже по Литейному, по направлению къ Невскому. Онъ и самъ не замѣчалъ, что шаги его сдѣлались чаще и тверже и весь онъ былъ въ волненіи. Рачеева онъ не видалъ уже лѣтъ семь, и за все это время почти никогда не думалъ о немъ. Въ послѣдній разъ онъ пріѣзжалъ сюда изъ Москвы и побылъ всего двѣ недѣли. Онъ былъ мраченъ и на все сердитъ. Помнилъ Баклановъ горячую сцену въ ресторанѣ Палкина, когда они и съ ними еще Ползиковъ истребляли напитки въ отдѣльномъ кабинетѣ. Всѣ были разгорячены, а Рачеевъ больше всѣхъ, потому что онъ пилъ не для удовольствія, а съ единственнымъ желаніемъ напиться и, какъ онъ говорилъ, «видѣть міръ перевернутымъ вверхъ ногами». Рачеевъ тогда страдалъ обычной болѣзнью русскихъ порядочныхъ людей — невѣдѣніемъ, куда приложить свои силы такимъ образомъ, чтобъ онѣ не пропали даромъ. Баклановъ и Ползиковъ вели разговоръ о какомъ-то начинающемъ авторѣ, причемъ Баклановъ утверждалъ, что это несомнѣнный талантъ, а Ползиковъ съ своею мефистофельскою ядовитостью говорилъ, что всѣ бездарности были въ свое время начинающими талантами. Вдругъ Рачеевъ хлопнулъ кулакомъ по столу съ такою силой, что бутылка подпрыгнула и повалилась на бокъ, а красное вино изъ нея вылилось на свѣтлую жилетку Ползикова.

— Чортъ васъ побери съ вашими талантами, бездарностями, со всей вашей литературой, со всѣми вашими благородными бумажными идеями! Не то, не то, не то! Все это никуда не годит-

ся! крикнулъ онъ взволнованнымъ дрожащимъ голосомъ и съ какимъ-то отчаяньемъ запустилъ пальцы въ свои густые темные волосы.

— Оно, положимъ, все это гроша мѣднаго не стоитъ, но зачѣмъ же стулья ломать?! пожимая плечами, замѣтилъ Ползиковъ, быстро отодвинулъ свой стулъ отъ стола и принялся съ большимъ рвеніемъ вытирать салфеткой жилетъ. — Вотъ, жилетку мнѣ испортилъ!..

— Да, это правда! Продолжалъ Рачеевъ тономъ раздраженія, горечи и насмѣшки: — жаль, жилетка не виновата... Жилетка... Она, пожалуй, честнѣе всѣхъ насъ вмѣстѣ взятыхъ!.. Она бессмысленна и бездушна, а у насъ есть умъ, способности, силы, стремленія... И все это мы пропиваемъ, проѣдаемъ да проговариваемъ въ дружескихъ бесѣдахъ — ни къ чему и ни для кого!.. Нѣтъ, больше этого не будетъ! — онъ опять, еще съ большей силой, ударилъ кулакомъ по столу: — я или возьму быка за рога, или — пулю въ лобъ!

Онъ встряхнулся, всталъ и протянулъ руку собесѣдникамъ. Казалось, онъ совсѣмъ протрезвился, ноги его стояли твердо, глаза смотрѣли просто и здраво.

— Завтра уѣзжаю, прощайте! сказалъ онъ по-дружески: — ну васъ, съ вашимъ Петербургомъ...

— Куда? спросилъ Баклановъ.

— Къ себѣ въ усадьбу. Тамъ засяду въ одиночествѣ, подопру голову руками и буду рѣшать гамлетовскій вопросъ. А дальше что ни-будь обо мнѣ услышите...

На другой день друзья проводили поѣздъ, съ

которымъ уѣхалъ Рачеевъ. Около года Баклановъ ничего не слышалъ о пріятелѣ, но затѣмъ до него дошли слухи, что Рачеевъ почти безвыѣздно живетъ въ своей усадьбѣ, недалеко отъ Москвы и по сосѣдству съ усадьбой тетки Бакланова. Слухи двоились, московскіе корреспонденты изъ школьныхъ товарищей изображали Рачеева чуть-ли не героемъ, посвятившимъ всѣ свои силы хорошему дѣлу, которое и они корреспонденты — любили, но силъ ему не посвящали; тетка писала (тогда она еще владѣла правой рукой), что Рачеевъ просто помѣшанный. Баклановъ, разумѣется, теткѣ не вѣрилъ, а на отзывы корреспондентовъ своихъ смотрѣлъ, какъ на одно изъ тѣхъ дущу возвышающихъ преувеличеній, которыя такъ легко дѣлаются добродушными людьми, потому что это ничего не стоитъ. Самъ-же Рачеевъ ничего не писалъ ему и все это вмѣстѣ взятое помогло Бакланову позабыть о пріятелѣ. За это время онъ успѣлъ жениться, прочно устроиться на литературномъ поприщѣ и стать уже близко къ званію любимаго писателя, званію которое капризной публикой дается не такъ-то легко.

И вдругъ телеграмма отъ Рачеева! Разомъ выплыли наружу всѣ хорошія, даже иногда трогательныя чувства, какія онъ давно питалъ къ школьному пріятелю. Славный малый! Сердечный, весьма не глупый, искренній, свободно увлекающійся. Нѣтъ у него никакого особеннаго дарованія, но развѣ это уже не дарованіе—быть хорошимъ человѣкомъ, который привлекаетъ къ себѣ общую симпатію? А главное

не привезетъ-ли онъ въ своей особѣ что нибудь новенькое, какой-нибудь характерный типъ современности, пригодной для освѣженія его наблюденій? Это очень важно.

Баклановъ дошелъ до Невскаго и повернулъ по направленію къ Адмиралтейству. «Куда-же мнѣ направиться?» подумалъ онъ. Онъ вышелъ погулять передъ завтракомъ, что дѣлалъ каждый день. Погода стояла чудная. Былъ конецъ сентября, жара спала уже давно, а слякоть еще не пришла. Невскій былъ залитъ солнцемъ, красивъ и оживленъ. Баклановъ любилъ пройти два конца среди этого шума и возни; ему нравилось, когда его толкали въ бокъ; чтобы перейти улицу, онъ выбиралъ мѣста, гдѣ погуще толкотня экипажей. Это волновало его. Но на этотъ разъ ему хотѣлось чего-то другаго, — какого-нибудь развлеченія, чего-нибудь болѣе сильнаго, интереснаго разговора, выдающейся встрѣчи. «А, да вотъ что: заѣду къ Евгеніи Константиновнѣ! Кстати сообщу ей о завтрашнемъ событіи. Рачеевъ, конечно, будетъ ей представленъ и она на него набросится, какъ на интереснаго героя. Она всюду ищетъ чего нибудь новенькаго, чтобы не походило на то, что есть въ дѣйствительности. Вотъ онъ какъ разъ и сослужить ей эту службу...»

Онъ взялъ извозчика и поѣхалъ на Николаевскую улицу. Уже ему видѣнъ былъ четырехъ-этажный домъ, выкрашенный въ сѣрую краску, и онъ невольно устремилъ взоръ на большія окна бель-этажа, который занимала Высоцкая. Но еще не доѣхавъ до подъѣзда, онъ увидѣлъ карету, запряженную парой вороныхъ и узналъ ихъ. Карета выкатилась изъ во-

ротъ и сдержанно приближалась къ подъѣзду. «Гм... Она уѣзжаетъ. Пожалуй, не стоитъ заходить!» подумалъ онъ, но такъ какъ извозникъ уже остановилъ лошадь, то пришлось сойти, а тутъ уже было дѣломъ привычки — войти въ подъѣздъ и подняться въ бель-этажъ.

Но Бакланову не пришлось звонить. Дверь растворилась и навстрѣчу ему показалась стройная женщина среднего роста, въ длинной модной кофточкѣ сѣраго цвѣта, запитой стеклян-русомъ, украшавшій ея свѣтлые золотистые волосы миниатюрный токъ, тоже сѣрый съ крошечной зеленой птичкой, удивительно гармонировалъ съ ея привѣтливымъ веселымъ подвижнымъ лицомъ, скорѣе худощавымъ, чѣмъ полнымъ, съ ясными, какъ-то необыкновенно прямо смотрѣвшими глазами.

— Николай Алексѣичъ! промолвила она пѣвучимъ голосомъ, которому какъ будто недоставало мягкости. Глаза ея раскрылись шире, на губахъ — розовыхъ, полныхъ, появилась улыбка привѣтливая, но въ то же время лукавая, словно заключавшая въ себѣ какую-то скрытую мысль. Отъ этой улыбки измѣнялось и выраженіе ея глазъ, которые смотрѣли теперь уже не такъ просто и не такъ прямо. — Я вамъ рада, пойдете! и она сдѣлала движеніе къ раскрытой еще двери. — Я хотѣла съѣздить въ гостинный, но это не къ спѣху!...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Я зналъ, что вы уѣзжаете и поднялся такъ, почти машинально! возразилъ онъ, пожимая ея маленькую руку съ еще не совсѣмъ натянутой перчаткой. — Пойдете внизъ... У меня нѣтъ ничего, кромѣ желанія убѣдиться, что вы здоровы!

— О, я здорова, хотя скучаю, потому что друзья мои совсѣмъ меня забросили..

— Друзья? Съ которой стороны? — Онъ спросилъ это съ явной усмѣшкой, а она слегка покраснѣла и улыбка ея сдѣлалась еще болѣе выразительной, почти насмѣшливой.

Они медленно спускались по лѣстницѣ.

— Вы все-таки не можете простить мнѣ этого? говорила она.

— Раздвоенія? О, Боже мой! Я вамъ чего-нибудь не простилъ-бы!? Вы знаете, Евгенія Константиновна: что такой вещи нѣтъ на землѣ... Развѣ вы этого не знаете?

— Знаю, къ сожалѣнію!..

— Къ сожалѣнію? Почему-же къ сожалѣнію?

Евгенія Константиновна сдѣлала кучеру знакъ, чтобъ ѣхалъ за ними; они пошли тротуаромъ.

— Будто вы не знаете? спросила она, взглянувъ на него мелькомъ. Улыбка уже исчезла съ ея губъ.—Потому что это все одно и то же и въ этомъ нѣтъ ничего ни интереснаго, ни поучительнаго, всѣ вы въ этомъ отношеніи одинаковы и все это такъ похоже на... да на все остальное... Всѣ вы болѣе или менѣе... какъ-бы это сказать помягче... говорите мнѣ неправду и этимъ обижаете меня!..

Баклановъ разсмѣялся.

— Правда вообще горькое кушанье — я не говорю это примѣнительно къ вамъ, — а я не привыкъ огорчать моихъ друзей. Ахъ, да, вотъ что: я могу доставить вамъ случай познакомиться съ нѣкимъ, если и не новымъ, то во всякомъ случаѣ не слишкомъ обыкновеннымъ явленіемъ...

— Какой-нибудь литературный талантъ, молодой и подающій надежды? спросила она тѣмъ-же шутливымъ тономъ, какимъ говорилъ и онъ.

— О, нѣтъ. отъ этого я васъ на сей разъ избавлю. Притомъ же — это явленіе въ вашей гостинной довольно обыкновенно. Замѣчено даже, что стоитъ только молодому таланту появиться у васъ, какъ онъ складывается у вашихъ ногъ всѣ свои способности и оставляетъ за собой на вѣки титулъ подающаго надежды.

— Боже мой, какъ злы и беспощадны эти литераторы, которымъ удалось оправдать надежды, замѣтила она съ шутливымъ вздохомъ. — Но что же это — ваше необыкновенное явленіе?

— Это необыкновенное явленіе есть мой старый школьный товарищъ и другъ, по фамиліи Рачеевъ, а по имени Дмитрій Петровичъ...

— Вы никогда не говорили мнѣ о немъ...

— Да, я потерялъ; было, его изъ виду, считалъ даже, такъ сказать, сравнявшимся съ землей. Но онъ внезапно возродился и какъ еще? Я получилъ отъ него телеграмму — онъ завтра пріѣдетъ и, конечно, пристыдитъ и посрамить всѣхъ насъ...

— Это давно пора!.. Но чѣмъ же этотъ вашъ другъ не похожъ на Бакланова, Ползикова, Мамурина и прочихъ?

— Евгенія Константиновна! съ шутливой обидчивостью проговорилъ Баклановъ и даже на секунду остановился. — Неужели для Бакланова въ вашемъ сердцѣ нѣтъ мѣстечка, отдѣльнаго отъ Ползикова, Мамурина и tutti quanti? Это обидно...

— Ха, ха, ха! Мы говоримъ о вашемъ другѣ... Продолжайте!

— Извольте! съ миной грустной покорности промолвилъ Николай Алексѣвичъ.—Мой другъ Рачеевъ довольно долго и довольно бурно искалъ, такъ сказать, истиннаго фасона жизни и нашелъ его въ деревнѣ...

— Тутъ пока еще нѣтъ ничего необыкновеннаго...

— Погодите, будетъ... Въ деревнѣ онъ живетъ не для прохлады, не для воздѣху, а ради осуществленія своихъ гуманитарныхъ широкихъ идеаловъ.

— Это интересно, но необыкновеннаго и тутъ нѣтъ...

— Ну, можетъ быть, его и не будетъ, я не знаю... Вѣдь васъ ничѣмъ не удивишь, ибо вы, Евгенія Константиновна, видали виды. Но прибавлю, что мой другъ—человѣкъ умный, образованный, горячій и необыкновенно убѣжденный. Чтобы окончательно охарактеризовать его, скажу, что ему тридцать два года, онъ брюнетъ и красивъ...

— Это для чего же прибавка? чтобы обидѣть меня?

— Нѣтъ, но для женщины это очень важно: молодость и красота. Никакой самый возвышенный и восторженный пророкъ не сдвинетъ ее съ мѣста, если у него лицо въ морщинахъ и недостаетъ переднихъ зубовъ. Это мое мнѣнiе...

— Довольно противное мнѣнiе и притомъ не оригинальное!.. А все-таки вы заинтересо-

вали меня вашимъ другомъ... Приведите его ко мнѣ...

Она подала ему руку и затѣмъ спѣшной походкой пошла къ каретѣ. Баклановъ приподнялъ шляпу и проводилъ взглядомъ экипажъ, повернувшій на Невскій. Онъ направился домой, потому что приближался уже часъ завтрака. Жена не любила, когда онъ запаздывалъ. На лицѣ его все время играла чуть замѣтная усмѣшка, онъ думалъ: «если Рачеевъ не будетъ глупъ, то на Николаевской могутъ произойти занимательные эпизоды». И въ головѣ его, привыкшей на основаніи двухъ-трехъ едва намѣченныхъ положеній, создавать цѣлые романы, уже промелькнулъ набросокъ широкой картины съ завязкой и развязкой, съ множествомъ красивыхъ и интересныхъ эпизодовъ, героиней которыхъ была Евгенія Константиновна Высоцкая. Онъ давно уже, чуть не съ первой встрѣчи съ нею, намѣтилъ ее, какъ героиню романа. Ея исторія и теперешняя жизнь, ея наружность, взгляды и приемы—все это такъ подходило для этой цѣли и само собой укладывалось въ страницы его тетради. Былъ только одинъ пробѣлъ въ этомъ романѣ: героиня не показала себя въ какомъ-нибудь рѣшительномъ шагѣ, по крайней мѣрѣ, на его глазахъ, и онъ не могъ предугадать, какой оборотъ въ такомъ случаѣ приметъ эта оригинальная, самостоятельная, гибкая натура, то и дѣло ускользающая отъ положительнаго опредѣленія при помощи обычнаго психологическаго аршина. И почему-то ему казалось, что Рачееву предназначено вызвать кризисъ въ этой нату-

рѣ, которая тогда развернется во всю свою, какъ онъ думалъ, могучую ширь.

— «Однако, это чортъ знаетъ что такое! думалъ Баклановъ, вступивъ на Фурштадтскую и приближаясь къ своей квартирѣ. — Что за дурацкая привычка—смотреть на міръ съ точки зрѣнія годности его для литературнаго произведенія! Вѣдь вотъ, кажется—старого друга жду, отношусь къ нему искренно, сердечно, а первыя мысли, какія вызываетъ во мнѣ этотъ пріѣздъ,—не выйдетъ ли общественно-психологическаго романа примѣрно въ двадцать печатныхъ листовъ! Чортъ знаетъ, что за направленіе мозга! Говорятъ, что салонникъ, при встрѣчѣ съ новымъ человѣкомъ, прежде всего смотритъ ему не въ лицо, а на сапоги, а портной на скрутокъ, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваютъ людей. Нельзя сказать, чтобы это была лестная аналогія для писателя!»

II.

Баклановъ прошелъ сперва въ кабинетъ, но такъ какъ въ это время маленькіе часы, стоявшіе на каминѣ, пробили часъ, то онъ тутъ же вернулся и черезъ залъ направился въ столовую. Катерина Сергѣевна въ подобныхъ случаяхъ требовала отъ него пунктуальной точности и когда онъ опаздывалъ къ завтраку или обѣду, умѣла сдѣлать испорченнымъ и то и другое. Она дѣлалась строгой, неохотно отвѣчала на вопросы, не смѣялась и даже не улыбалась, когда Баклановъ острилъ или рассказывалъ смѣшныя вещи и когда дѣйствительно надо было смѣяться и вообще принимала видъ и